

Мартин

В учебнике географии за 1913 год упоминается о народах, населяющих Россию. Об еврейях сказано несколько слов. Обращают на себя внимание два обстоятельства: чудовищная бедность; детская смертность превышает в восемь раз детскую смертность самых отсталых народов и, одновременно, стопроцентная грамотность.

И этот нищий грамотный народ в 1917 году активно поддержал

идею всеобщего братства и равенства без униженных и оскорбленных.

Среди сотен тысяч революционеров, всецело покоренных идеей, были молодая девушка из очень бедной семьи и окончивший Сорбонну образованный молодой человек.

Засучив рукава, они приступили к строительству общего братства (не брезгуя постреливать).

Имея двух детей со звонкими

именами Октябрина и Мартин (это еврейство благополучно вершило суд, как созидательный, так и разрушительный), а осидев положенные годы (успев отказать друг от друга во имя революции), состарилось и не заметило, как выросли на этом кривом дереве две ветви. Дальше больше. Одна ветка хотела иметь, другая — быть. Притом иметь все здесь, сейчас, навсегда и как можно скорее. Другая ветка хотела быть тоже здесь и сейчас — в море, на земле, среди друзей, среди чужих детей (у этой ветки семьи не было).

Трудно описать причудливость этого человека. Он мог ответить на любой вопрос на любом европейском языке, вытаскивая при этом детские фотографии своих друзей, раскрывая книжку об особенностях турецкой керамики VII века.

Дальше — больше. Ветвь, желающая иметь, вдруг обнаруживает, что есть страна, где можно иметь значительно больше и устремляется туда.

Мой друг выбирает путь в страну, где уже нет ничего: он умирает добровольно.

Путь не самый лучший, не самый правильный, но не мне его судить за это.

Его поступок потряс меня и круто изменил мою жизнь. До 1977 года (смотри журнал "Творчество" за 1988 год, № 6) она тек-

ла как в эллинском мире до прихода Христа — среди дубрав, игр и прихоти молодого тела.

После смерти Мартина я ужаснулся, впервые по-настоящему столкнувшись со Смертью.

Все, повторяю, все мои работы с 1977 года посвящены Мартину Молчадскому. Эти работы объединены общим названием: "Поцелуй Иуды!"

Ассоциация с Новым Заветом: мессия приходит, предлагая добро, равенство и систему "быть", а время, семья, зло своим поцелуем убивают его.

Сюжет повторяется.

Льюсен ДУЛЬФАН.
Нью-Йорк.

О друге

А вы, мои друзья
последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать,
мне жизнь сохранена.

А. Ахматова

Он был нашим другом с первого, юношеского призыва в тяжелые годы войны ("...Как это было, как совпало: война, беда, мечта и юность!") и до последнего, до конца.

Неповторим его облик: добродушие и ирония, общительность и замкнутость, поражающая эрудиция и скромность, склонность к парадоксам и строгая логика в суждениях, поэтичность и трезвость.

Мы знали, что 37-й год, арест родителей, трагическая судьба семьи многое определили в его характере, навсегда вселили в душу неуверенность в себе, боязнь практических шагов, желание быть незаметным.

У него были незаурядные способности, склонность к научной работе; скромный служащий лаборатории на одесской ТЭЦ, он до тонкости знал свою узкую отрасль — химическую водоочистку (28 напечатанных статей), но не думал об оформлении и защите диссертации, об упорении материального положения, о создании семьи. Не думал! Никто не знает, как много он думал об этом и какими именно доводами (или дело не в доводах?) определял навсегда свое место.

Ему многое было нужно. Его "экологическая ниша", обеспеченная заботой родителей, близостью к семье сестры Оли, — это любимые книги, пластинки, концерты, изучение языков, шедевры живописи и — друзья.

Друзей у него было много. По какому-то одному ему известному графику он навещал их, нас то есть.

Придет, бывало, поздно вечером: — Что у вас нового, что хорошего?

Посидим, обо всем расспросит, попьем чаю (без сахара и без угощения), соберется уходить и на пороге с мягкой улыбкой скажет на прощанье:

Шлафен зи воль, Спите крепко,
Эссен зи коль, Ешьте капусту,
Тринкен зи бир, Пейте пиво,
Данкен зи мир. Благодарите меня.

В стихотворении от 6.05.1944 г., обращенном к родителям, он написал о себе пророческие строки:

Слишком много
видел я плохого,
Чтобы стать мне в жизни
подлецом.

И дорогу не начну я снова,
Даже если стану пред концом.
Может, сам я

в сеть свою запутан,
Может быть, что мнима эта сеть,
Но порвать я не сумею круто,
И на ней мне до конца висеть.
Верно, вы стиха и не поймете,
Дай Бог, чтоб понять

и не пришлось,
А придется плыть

волне напротив —
Не судите сына кривью и вкось.
Захотите — память отгоните,
Захотите — вспомните подчас.
Но в мозгу есть и такие нити,
Что — веревки крепче —

вяжут нас.
Я, наверно, так сурово связан,
Что другому не понять уму.
Что ни выйдет,

не моргнувши глазом
Я всегда судьбу свою приму.
Я знаком и с радостью,
и с горем,
Но, пожалуй, к горю я привык.
Мы живем с ним мирно

и не спорим.
Что кричать,
когда напрасен крик?

Удивительное пророчество! И какое раннее!

Я вспоминаю, каким беззащитным становилось его доброе и мудрое лицо, когда он снимал очки. Может, именно тогда и обнаруживалось то, что тщательно скрывалось в тайниках души.

Мартин знал о нас, своих друзьях, все, вникал в наши семейные и служебные дела, о себе же рассказывал очень мало, почти ничего. Может, он пытался сорвать с души оковы и включиться в повседневность, как все, но не мог решиться. Он писал:

Без убежденья силы нет,
А без сомненья нет познания,
И вертится бессменный свет
Между борьбой и созерцанием.

Нам хотелось найти ему хорошую жену, мы пытались "сватать" его. Но разговоры на эту тему он останавливал сначала шутя, а од-

нажды так решительно, что мы прекратили их навсегда.

Последние дни перед роковой ночью (это выяснилось потом) он обходил всех своих друзей. Был и у нас. Отдавал книги, негативы пленок. "Зачем?" — спросила я, ни о чем не догадываясь. "Пусть будет у вас, так надежнее", — ответил он.

Во время последнего визита к Галке Штипель он участвовал в общей беседе об отъезде. Хозяин дома сказал: "Ехать, чтобы быть на иждивении жены, — недостойно человека".

— Не знаю, как насчет жены, но быть на иждивении сестры — точно недостойно! — включился Мартин.

Его размышления вылились в горькие строки:

Есть счастье горькое раба,
Привычной муки сладострастье,
Своя, извечная судьба,
А быть собою — это счастье.

Пред неизведанным есть страх,
Есть ужас перед неизвестным
И оправданья на устах,
Пусть набившие оскому:

Что верность нам
принесит честь,
Пусть не отцу, а господину.
Трудней разлуку перенести,
Чем бич, ласкающий нам спину.

Так мы живем.
И здесь мой дом.

Годы идут, но он для нас жив, потому что был Человеком, Другом, и мы его любили. И еще потому, что он накрепко связал себя с нашими детьми и внуками. Может быть, в десяти (или пятнадцати?) семьях своих знакомых и друзей он знал все дни рождения, не забывал поздравлять с ними и с праздниками.

Расскажу о том, как он опекал наших детей, как дружил с ними. Для сына Саши (он 1945 г. рождения) каждое появление Мартина было праздником. Тот сажал его на колени и "отправлялся" в длительные путешествия, во время которых мальчик многое узнавал о мире, о разных странах. Когда Саша подросток (он рано, чуть ли не с пяти лет, стал читателем), Мартин приносил ему книги: "Занимательная алгебра", "Занимательная геология", "Как человек стал великаном" и т. д. Это была какая-то планомерная забота о его развитии. В 1962 г. сын перевелся на второй курс Новосибирского университета. Поздравляя его с Новым годом, перед оче-

редной зимней сессией Мартин писал:

"Девиз у нас на знамени:
"Отлично сдать экзамены!" —
Писал я много лет назад.
Теперь студенту новому,
Сибиряку толковому,
Стихи послать я рад.

Привожу эти стихи:

Давно ли мы в Африку ехали —
И вот ты сегодня в Сибири.
Поистине: странными веками
Пестрит география мира.

Ну что ж, и в морозы сибирские
Друзей ты согрет теплотой:
И новые сделались близкими,
И старые вместе с тобою.

Мартин многие годы не забывал поздравлять Сашу с днем рождения. Однажды он отправил в подарок пьесы Э. Ростана (сын играл Рагно в самостоятельной постановке "Сирано де Бержерака") с надписью:

Мой друг Рагно! Нам не дано
Тебя увидеть в марте,
Но тороплюсь я все равно
Тебя поздравить.
Мартин.

Удивительно трогательным было его отношение к нашей дочери Наташе. Он любил ее по-особому. Умел так фотографировать ее, чтобы выпятить то лучшее, что видел в ней. На его фотографиях она была прекрасна.

Случилось так, что у девочки произошел нервный срыв, когда она перегрузила себя неумеренными занятиями на первом курсе математического факультета в Новосибирске. Мартин писал ей очень часто. Придя к нам, он тут же садился и в стихах описывал наши дела, наш сегодняшний день:

Пришел к твоим родителям,
Застал их в дни осенние
За делом восхитительным —
Проверкой сочинений.
Они в своей основе
Опять вполне здоровы,
Довольны и бодрны
И в этот день добры
К ученикам старательным
И даже невнимательным.

Их много, этих шуточных посланий, и все они дышат любовью, пониманием, заботой! Чтобы связь между новосибирской студенткой и Одессой была непрерывной, чтобы студентка не чувствовала себя одинокой, Мартин придумал посылать не только

письма (где найдешь темы и сюжеты для ежедневных писем?): выписывал из книг, из журналов (он читал по-польски, по-чешски, по-сербски, по-болгарски, на немецком, английском, французском, румынском языках) меткие изречения, смешные анекдоты, курьезы и т. д. Это длилось полгода. И теперь хранится у нас целый том неустанной деятельной любви и заботы. Между прочим, благодаря Мартину Наташа познакомилась с Фолкнером, который стал одним из любимых ее писателей.

Появлялись у нас внуки — и к ним то же отношение. Он фотографировал их как никто, неизменно схватывая именно то, что составляло очарование ребенка. Он играл с ними, посвящал им шуточные строки:

Кормит Олю папа Саша
Очень вкусной, сладкой кашей.
Потихоньку, понемножку
Оля съела эту ложку.
Улыбаясь очень мило,
Снова ложку проглотила.
Приходила к Оле кошка,
Попросила: "Дай немножко!".
Налили мы в блюдце ей
И сказали: "Ешь скорей!".
Пить приятно и легко
После каши молоко.

(И т. д.)

Тема "Мартин" неисчерпаема. Проходят годы, а он все живет в моей памяти, и годы усиливают боль и любовь, угрызения и преклонение.

И снова мне не обойтись без помощи поэта:

Забываются слова,
Приминается трава,
Только лица остаются
И знакомые глаза...

Плечут ли они, смеются —
Не слышны их голоса...

Льются с этих фотографий
Океаны биографий,
Жизнь в которых вся, до дна,
С нашей переплетена.

И не муки, и не слезы
Остаются на виду...
Свет — и ничего другого,
Век — и никаких чудес.

Мы живых их обнимаем,
Любим их и пьем за них...
...Только жаль, что понимаем
С опозданием на ми!

(Б. Окуджава)

Р. ОКУНЬ.

Мартин...

Сощуренные добрые и насмешливые глаза под стеклами очков, родное, милое лицо, постоянная легкая полуулыбка на губах...

Всегда ироническая речь — никогда не знаешь: шутит или говорит всерьез. В начале знакомства верила каждому его слову и часто попадала впросак (поверила ему, что в Байрам-Али у них во дворе общегитания на баобабе росли плоды какао — меня долго дразнили "баобабом").

А что было у него в душе, внутри? Не думаю, что был кто-нибудь, даже самый близкий, который знал бы это, — трудно себе представить человека более закрытого. Иронией он защищал себя, как щитом, от окружающего мира. Можно только догадываться, какую боль он в себе носил постоянно, какое отчаяние, безысходность. И неудивительно: что пришлось ему еще подростком пережить! Арест родителей, клеймо сына "врагов наро-

да", страх, что отошлют в детдом, беспокойство за судьбу отца и матери, затем война, эвакуация, голод, заброшенность, возвращение родителей, жизнь всей семьей в крошечной комнатенке без удобств, повторный арест матери. Все наше поколение прошло тяжелый путь, а Мартин — особенно. Это не озлобило его, не сломало его преданность своим близким, друзьям, их детям, его способность любить их были совершенно исключительными. Наша дочь Лика говорит, что Мартин был первый в ее жизни взрослый, который относился к ней уважительно, как к равной. Не забыть, как он читал моим детям английских поэтов в перево-

де Маршака, особенно часто "Весной поросята ходили гулять..." — особенно подчеркивая последние строки: "Мой мальчик, рассчитывай силы свои" и т. д. Видно, было в нем много нереализованных отцовских чувств.

Он горячо поддержал наше решение уехать, хотя для себя считал это невозможным — по своей необыкновенной скромности считал себя недостаточным профессионалом, чтобы работать в другом месте. 9 мая 72-го года мы сидели втроем в парке Шевченко, Мартин — между Мишей и мной. Мы с Мишей были убиты отказом нашего сына и невестки ехать с нами и мучились, колебались, не зная как поступить.

Вдруг Мартин повернулся ко мне и с необыкновенной эмоциональной силой, вовсе ему не свойственной, чуть ли не закричал: "Санька не едет — бросайте Саньку! Мишку не пускай — бросай Мишку — спасай Лильку!". Этот его крик решил дело — мы решили ехать без сына.

Я не верю, к сожалению, в Бога, но иногда верю в бессмертие души. Как-то я слушала по радио Баха к вдруг меня пронзила мысль, нет — знание — это душа Мартина говорит со мной. А посредством кого еще Эта душа могла говорить?!

Сабина ХЕЙФЕЦ-КРАКОВСКАЯ.
Тель-Авив.